

Тетка

Эдуард Мякишев вспомнил слова своей тетки о том, что он с детства не умел завязывать шнурки. За минуту до этого он прошагал несколько сот метров по одной из центральных улиц весеннего города и неожиданно обнаружил, что у него развязался шнурок на левом ботинке. Пытаясь его завязать, Мякишев поставил ногу на чугунную садовую ограду и случайно порвал шнурок. За сорок минут до этого Эдуард выпил бокал пива в кафе на Привокзальной площади. Часом ранее он смотрел в окно своего купе в седьмом вагоне скорого поезда Киев — ***ков. За окном мелькали окрестности его родного города. Грязные беспризорники махали вслед поезду. Двумя сутками до этого Мякишев сходил с трапа самолета, который только что завершил рейс № 362 Будапешт — Киев в столичном международном аэропорту.

В Будапеште Мякишев учился. Он прожил там два года, лишь изредка навещая родину. Дома его ждала тетка, единственный друг Гена Яблочков и последний учебный год на физико-математическом факультете государственного университета.

Кроме тетки у Мякишева здесь больше никого не было. Она жила в большом двухэтажном доме в тихом пригородном районе на берегу реки. Этот дом строило не одно поколение семьи Мякишевых. Тут в свое время обитали деды, прадеды и отцы. Теперь тут предстояло поселиться и Эдику. Тетка с нетерпением ждала племянника и готовила праздничный обед.

Жизнь Мякишева у тетки была спокойной и стабильной, как течение реки: вставал он поздно, ложился рано, делал все что хотел. Позавтракав, на целый день отправлялся на пляж или к друзьям. Теперь он жил в таком режиме, и ему это нравилось.

Но любая река хоть раз в году выходит из берегов. Так и в жизни Эдика произошли внезапные перемены — одним солнечным днем тетку хватил удар. Несчастную увезла "скорая", но она скончалась по дороге в больницу. Врачи констатировали обширное кровоизлияние в мозг.

На похоронах Эдуард как единственный близкий родственник стоял возле гроба и думал о будущем. Он думал не о покойнице. Он думал о себе. Эдик не размышлял о том, сколько уже прожито, он рассуждал о том, сколько еще осталось. Именно об этом думал Мякишев, стоя у гроба, а когда решил присесть, крышка стула с грохотом провалилась, и он за-

стрял в деревянном остове. Окружающие ахнули и бросились на помощь. Суеверные люди тогда сказали, что это плохой знак. Эдуард Мякишев тоже был суеверным человеком...

Так началась одинокая жизнь молодого человека в большом доме на берегу реки. Вскоре будни опять потекли в своем привычном ритме, и Эдика по-прежнему можно было увидеть на пляже или встретить где-нибудь в центре города. Правда, теперь он выглядел каким-то озабоченным, даже обеспокоенным...

Школьным другом Мякишева был Гена Яблоков. У приятеля было странное увлечение. Он собирал старые перезарядные пластиковые карточки для мобильных телефонов. Яблоков обклеивал ими стены своей комнаты.

...Яблоков примчался к Эдику спустя полчаса после его звонка. Он влетел в дом и уселся в большое кожаное кресло, у камина в гостиной.

— Ну, если ты меня вытащил из постели на заре по пустыкам! — пригрозил он Мякишеву.

Эдик выглядел ужасно. Он был похож на впечатлительную первокурсницу медицинского института после своего первого похода в морг.

— Я звонил тебе не просто так, — дрожащим голосом выговорил Мякишев. — Насколько я представляю, все очень серьезно.

Яблоков не сумел сдержать улыбки.

— Гена, если еще вчера я сомневался, — продолжал Эдик, — то теперь сомнений нет... Это был знак, тогда на похоронах... Она вернулась...

— Ты всегда любил изъясняться так, чтобы тебя никто не понимал, — воскликнул Яблоков.

В ответ Мякишев предложил другу подняться на второй этаж в свою комнату. Мебель, книги на полках, люстра — все было покрыто слоем пыли и окутано паутиной. На ковре валялись комки высохшей грязи, клочки бумаги и хлебные крошки.

— Извини за истерику, — сказал Мякишев. — Это от перенапряжения. Просто мне кажется, что я схожу с ума...

— Это кажется не только тебе.

— Три недели я гнал от себя эти проклятые мысли, но теперь все стало на свои места...

Яблоков расхаживал по комнате и рассматривал интерьер. Мякишев в это время говорил о трехмерном пространстве, каких-то параллельных мирах и загадках науки.

— Ты веришь в четвертое измерение? — спрашивал он друга.

— Ты же у нас физик, — отвечал Яблоков, рассматривая старинные настенные часы, — тебе виднее.

И Эдуард, заикаясь, продолжал свои рассуждения. А Яблоков переходил к следующей детали интерьера.

— Это случилось три недели назад, — говорил Эдик. — Тетка к тому времени уже находилась в маразме. У нее был приличный возраст. Думаю, душевно она умерла уже несколько лет тому назад.

— О! — оживился Яблоков. — В монологе появились приземленные темы.

— До моего отъезда за границу она была совсем другой. Во время учебы я приезжал к ней пару раз, ненадолго... Тетка быстро состарилась. После моего возвращения мы даже толком и не общались. Не получалось...

— Бывает, — сказал Яблоков.

— Тетка то и делала что убирала, готовила, следила за хозяйством и огородом. А я каждое утро смывался из дому. Ну а когда приходил под вечер — сразу ложился спать... Не могу вспомнить ее голос... Короче, после ее смерти беспокойно в доме стало.

Яблоков отвлекся от дубового комода с мраморной столешницей.

— С тех пор три недели прошло, — произнес Эдик и перешел на шепот. — Вернулась она, Гена, ей-богу!.. Я в приведения не верю, ты же знаешь. Но она стала каждую ночь приходить... Я все проверил! Ты знаешь, сколько лет она тут прожила? Тебе известно, сколько лет этому дому? Это ее родной дом, Гена...

Яблоков несколько мгновений смотрел на обезумевшего друга:

— Ну ты, физик, даешь! — наконец сказал он. — Иди-ка лучше побрейся, причешись, умойся. Гантельки потягай, искупайся. Человеком стань! Посмотри на себя — глаза впали, кожа желтая, руки дрожат... Несет от тебя чем-то... Устройся на работу. У тебя деньги-то есть?

— От сбережений тетки еще немного осталось...

— Работу я тебя подыщу... Есть один вариант. Зарплату высокую не обещаю.

Мякишев обхватил руками голову, закрыл глаза и выдавил:

— Замолчи, Гена! Тихо... Послушай меня!

— Да не собираюсь...

— Послушай!.. После ее смерти в доме каждую ночь, с половины десятого и до одиннадцати вечера, и рано утром — в семь-полседьмого скрипят половицы на первом этаже, там, где ее комната была.

— Тебе показалось.

— Я слышу, как она гремит посудой на кухне. Каждое утро замечаю,

что тарелки по-другому уложены... В прихожей попадают какие-то вещи, которые я никогда не оставлял да и вообще ни разу не видел. Гена, я все детство прожил с теткой и знаю ее привычки. Она всегда допоздна возилась на кухне. Ложилась где-то в одиннадцать. Вставала ровно в половине седьмого... Это она теперь бродит по дому!..

— Да ты просто рассеянным стал, не замечаешь, где свои вещи оставляешь. А скрип — это сквозняки...

— Сквозняки? — воскликнул Мякишев. — Сквозняки, говоришь? Рассеянный? Пойдем!..

— Куда?

— Идем, идем! — крикнул Мякишев и выбежал из комнаты.

Он сбежал по лестнице на первый этаж и вошел на кухню. Яблоков не спеша спустился следом.

— Вот, — тяжело дыша сказал Мякишев. — Тарелка!

На кухонном столе у раковины стояла большая синяя тарелка.

— Я ее позавчера вечером грязной оставил. Вчера утром — чистая!.. Ложки, вилки, почти всю кухонную утварь берет. Это уже три недели продолжается... И даже после этого я сомневался. Но сегодня...

И Эдик выскочил в прихожую. Он остановился у тумбочки перед зеркалом.

— Я тебе только что говорил о своих финансовых затруднениях, — продолжал Мякишев. — Кто знал о том, что в доме почти нет денег, кроме меня да тетки?

— Да некому, в общем-то... — бормотал Яблоков.

— А теперь смотри! — и Эдик указал на деньги у зеркала. — Тридцать пять долларов! Сегодня утром... Вчера ничего не было. Она помогает мне после смерти, понимаешь, Гена?

Яблоков молчал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я пойду.

— Куда? — испугался Мякишев.

— Домой. Ты звони, если что.

Яблоков молча закрыл за собой дверь и вышел на улицу...

Через день утром Мякишев позвонил снова. На этот раз его голос был неузнаваем. Он говорил медленно и сдавленно, словно горло зажали в тиски. Это был голос человека, который устал жить.

— Гена, — простонал он. — Я больше не могу... Тихие шаги, такие осторожные, чтобы не разбудить. Скрип половиц. Вот так: раз-раз, раз-раз!.. И потом все замирает. А через минуту из кухни шум. Тихий такой, нежный... А утром снова...

— Ты спал сегодня? — перебил Яблоков.

— Нет. Я как вечером лягу, так и все жду ее... А потом в половине одиннадцатого начинается. Меня в кровать втягивает, я боюсь рукой пошевелить...

— И вчера так же было?

— Было все в точности... Это тетка успокоиться не может. Мне еще на панихиде знак был...

— Выпей валерьянки, возьми себя в руки, я скоро приеду!

Следующую ночь Яблоков решил провести в доме Мякишева. Настроение друга незаметно передалось и ему: он стал замечать за собой легкий мандраж. Эдик показал Яблокову возникший за ночь на диване пиджак покойного дяди и свежие лужицы разлитой воды на кухонном полу. На этот раз Яблоков молча слушал рассуждения Эдика, разглядывая новые доказательства.

Вечером он устроился в широком кресле в гостиной на первом этаже и включил телевизор. Мякишев лег тут же, на диване. Оба не сомкнули глаз до самого рассвета, но никаких скрипов не услышали и приведения не заметили.

Когда рассвело, Яблоков широко зевнул и потянулся в кресле:

— Ну что, может, пожрем чего?..

Позавтракав, он собрался домой.

— Сходил бы на реку Эдик, искупался бы, — посоветовал товарищ педерухом. — Вода стресс снимает.

— Ты только не подумай, — произнес Мякишев, — что у меня крыша поехала. Я не знаю, почему сегодня она не явилась. Может, и не явится больше, но раньше я не сочинял!

— Брось ты, я и не думал... Хочешь, сегодня еще раз приду?

И пообещав, что вернется, Яблоков пошел спать. Ему теперь все стало ясно. Эдуард с детства отличался чрезмерной мнительностью. Похоже, смерть единственной родственницы наложила отпечаток на его психику. Необходимо было помочь другу и вытащить из этого дома, где ему все напоминало о прошлом.

Как и обещал, Яблоков пришел к Эдику под вечер. Он разлегся на диване в прихожей. Эдик сел рядом, на полу. Тусклые блики уличных фонарей, свет которых проникал через окна, дрожали на липком паркете. Напротив дивана, на котором разлегся Яблоков, располагалась кухня. Дверь слева вела в гостиную, справа находился выход из дома.

Тридцать минут друзья сидели в темноте, не двигаясь. Около один-

надцати послышался шорох по ту сторону входной двери. Мякишев поднял голову и привстал со своего места. Он испуганно глядел на дверь, облокотившись рукой о стену. Это была поза беглеца. Эдик принял такую позу, потому что действительно подумал о бегстве.

Через мгновение в замочной скважине заскрипел ключ, и дверь медленно отворилась. Яблоков вытянулся и уставился на дверь, приоткрыв рот. В прихожей вырос силуэт человека. Он медленно закрыл за собой дверь, затем снял обувь и на ощупь отыскал тапочки. Затем сделал несколько шагов, скинул на диван легкую куртку и вошел в кухню.

В этот момент Яблоков дотянулся до выключателя и зажег свет. Незнакомец выронил из рук тарелку, которую взял со стола. Она разбилась вдребезги.

— Фамилия?! — заорал Яблоков. — Кто такой?!

— Я комнату тут снимаю, — испугался незнакомец, — у Ларисы Ивановны. Квартирант...

— Кто-о-о? — переспросил Яблоков. — Квартирант?!

— Полгода здесь живу, — застонал незнакомец. — А Лариса Ивановна...

— Квартирант! — захохотал Яблоков и рухнул на пол. — Квартирант!!! — истерически хохотал он, перекатываясь по полу. — Квартирант!..

Мякишев, недоумевая, выполз из-за дивана.

— Я работаю, — объяснялся бедняга, — жесткий график. Шофер...

— Умерла Лариса Ивановна! — надрывался Яблоков. — У-мер-ла!

— Как? — пролепетал незнакомец. — Когда?

— Три недели тому! — перекатывался Яблоков. — Три недели! Три!!!

Мякишев не двигался. Он смотрел то на знакомого, то на друга, упавшего на ковер в припадке смеха.

— Водителем на маршруте работаю, — повторял квартирант, — у меня жесткий график...

— Водку! — заливаясь слезами, сопел Яблоков. — Водку носи!.. Чего стоишь, Эдик? Водку и рюмки!.. Сейчас, сюда!.. Тетку твою поминать будем...

